

представляется нужнымъ. Много у нихъ есть общаго, много и различнаго. Мы ограничиваемся указаннымъ согласіемъ сравниваемыхъ проповѣдниковъ христіанскаго нравственнаго ученія по вопросу о жизненномъ значеніи заповѣдей Христовыхъ. Какъ бы ни было велико различіе св. Іоанна и гр. Толстого во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и въ пониманіи частныхъ заповѣдей Господа, но согласіе двухъ столь различныхъ моралистовъ въ пониманіи такого великаго жизненнаго вопроса имѣетъ самое существенное значеніе для нашего времени, и потому заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Графа Толстого отдѣляетъ отъ св. Іоанна Златоустаго полторы тысячи лѣтъ, но рѣшаютъ они одинъ и тотъ же, центральный для христіанской совѣсти, вопросъ о жизни по вѣрѣ Христовой. И, конечно, удивительно здѣсь не то, что рѣшается одинъ и тотъ же вопросъ: безъ сомнѣнія, если бы прошли десятки тысячъ лѣтъ, вопросъ этотъ все равно неотступно стоялъ бы передъ совѣстью людей и требовалъ бы своего разрѣшенія. Удивительно то, что графъ Л. Н. Толстой, проповѣдая, что Христосъ Спаситель училъ людей для того, чтобы они исполняли Его ученіе и на основѣ этого ученія построили свою жизнь,—проповѣдая это, Л. Н. Толстой былъ искренно убѣжденъ, что онъ предлагаетъ новое, сравнительно съ церковнымъ, пониманіе отношенія Евангелія къ жизни. Что же это такое? Русская церковь всегда была единомысленна съ греческой; творенія святыхъ отцовъ церкви, и особенно св. Іоанна Златоуста, тщательно изучались въ Россіи, и авторитетъ ихъ стоялъ всегда высоко. Согласно со св. Іоанномъ учили и всѣ великіе церковные учителя. И вдругъ гр. Толстой какъ бы откровеніе какое возвѣщаетъ міру, что Христосъ училъ людей для того, чтобы Его послѣдователи исполняли Его ученіе. И не одинъ графъ Толстой такъ думалъ. Широкіе интеллигентные круги русскаго общества также приняли его слово за новое откровеніе. Но и этого мало: наше богословіе въ лицѣ очень и очень многихъ его представителей съ величайшей горячностью начало опровергать и этотъ пунктъ въ ученіи гр. Толстого, и съ особенною любовью и ревностью, достойными лучшей участи, начало доказывать, что безъ убійства, побоевъ, войны, клятвы и т. д. міръ существовать не можетъ. Конечно, голосъ нашего богословія, при томъ далеко неединодушный, не есть голосъ Церкви вселенской. Но все-же